

DOI 10.32726/2411-3417-2025-4-95-105

УДК 323/324; 94

Борис Маркарян

Национальная идентичность и современные политические процессы в Италии

Аннотация. *Статья посвящена анализу национальной идентичности в контексте современных политических процессов Италии. Автор исходит из положения о концептуальной неоднозначности понятий «нация» и «идентичность» и помещает их в аналитическую рамку конструктивизма, рассматривая нацию как динамический процесс, постоянно воспроизводимый в социально-политической практике. Особое внимание уделяется политическому измерению идентичности, раскрываемому через механизм символического разграничения «своих» и «чужих», а также роли данного механизма в процессах политической мобилизации. Фиксируется смещение ключевой линии символического разграничения от внутреннего регионального «чужого» к внешнему «чуждому» — образу нелегального мигранта. Данный сдвиг анализируется на примере трансформации политического дискурса и электоральной стратегии партии «Лига» и ее результатов на выборах 2019 г.*

Ключевые слова: *национальная идентичность, политическая идентичность, Италия, конструктивизм, «свой/чужой», «Север–Юг», миграция, политическая мобилизация, «Лига», «Lega per Salvini».*

Концепт «национальная идентичность», как известно, носит неоднозначный характер. Для применения оценочных положений к предмету данной статьи необходимо прежде всего поместить сам термин в аналитическую рамку «сущностно оспариваемых концепций» и рассматривать в комплексе с другими терминами [Gallie], выделив при этом ключевые теоретические аспекты, позволяющие рассмотреть, как национальная идентичность преломляется в современных политических процессах Италии. Заметим, что между западной и российской политико-научной традициями есть существенный когнитивный разрыв в осмыслении базовых категорий «нация» и «идентичность», что усиливает терминологическую неоднозначность. Тем более имеет смысл выработать общий ориентир, позволяющий использовать эти понятия в единой аналитической рамке.

Теоретико-методологические основания национальной идентичности и ее политическое измерение

В социально-политическом дискурсе нация рассматривается прежде всего как политическая категория, а национализм — как практика, направленная на объединение

Сведения об авторе: *МАРКАРЯН Борис Артурович — преподаватель, аспирант кафедры политической теории, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России; markarian.boris@gmail.com.*

разрозненного «мы» в единое политическое сообщество с дальнейшим провозглашением его, чаще всего, в виде государства. В современном политическом дискурсе существуют три классических подхода к пониманию наций и национализма:

1. *Примордиализм* [Смит]. Сторонники данной теории апеллируют к идеям этнической общности, выражающимся в принадлежности «по крови», «по происхождению», в наличии общих мифов, языка, обычаев.
2. *Инструментализм*. Здесь акцент делается на «изобретении» традиций путем создания общей истории, символов, праздников и иной политической активности. Считается, что осуществляет данную «активность», как правило, национальная элита страны [Hobsbawm, Rager].
3. *Социальный конструктивизм*. Мир разделен на определенные сообщества, каждое из которых «воображает» себя единой нацией. Эти общие представления работают как «карта» и «компас» или, в привычной для конструктивистов терминологии, «система координат». Такое конструирование реальности позволяет задать смыслы, по которым человек понимает, «кто я» и «где мое место» [Андерсон]. Важно подчеркнуть, что конструктивисты не считают этнические общности базисом всех наций, хотя и не отвергают (в отличие от инструменталистов) важность этнической идентичности.

В основе конструктивистской традиции лежит причинно-следственное понимание процессов конструирования идентичности [Алексеева. «Большие»...]. Конструктивисты начали смотреть на идентичность как на структуру, состоящую из внутреннего слоя (ценностная материя и осознание своего «я») и внешнего слоя (соотнесение себя с социальными группами) [Kratochwil]. Такой подход наиболее продуктивен для анализа идентичности прежде всего потому, что он позволяет рассматривать ее не как фиксированную сущность, а как процесс, возникающий и воспроизводящийся в социальном взаимодействии. Кроме того, конструктивизм оказывается методологически удобным, поскольку позволяет соединить микроуровень индивидуального опыта и макроуровень социальных и политических структур [Алексеева. Мыслить...]. Через анализ нарративов, дискурсов, «фреймов» и практик становится возможным проследить, как личные самоописания конвертируются в коллективные идентичности, а затем воплощаются в институциональных изменениях [Алексеева. Агент-структурные...]. Такая оптика позволяет рассматривать нацию как текучий динамический процесс, который постоянно конструируется и реконструируется в социальной, политической и культурной практике [Брубейкер, Купер]. В нашем анализе мы исходим именно из конструктивистской парадигмы.

Уточнив понимание нации, необходимо перейти к категории идентичности. Этот концепт тоже многослоен, и взгляд на него зависит от дисциплины и исследовательской традиции. Идентичность — это не что-то данное извне и не абстрактный ярлык, а способ организации опыта, который связывает прошлое, настоящее и желаемое будущее в единый нарратив и тем самым направляет выбор человека. Ее нельзя редуцировать к чертам личности или к «социальной роли», она всегда — про отношения к миру, ценностям и символам и про степень собственной субъектности в этих отношениях. Иден-

тичность следует оценивать сразу с трех сторон: как человек сам переживает и понимает себя (его внутренний опыт), как он ведет себя на практике (действия) и в какой культурной и социальной среде он формируется. Идентичность не может существовать в изоляции, она раскрывается и конструируется через сравнение с «другими». Личность обретает ясность границ именно в сопоставлении и, нередко, в противостоянии. Так рождается бинарная логика «свое/чужое», в которой утверждение себя возможно только в противопоставлении с иным. Идентичность, таким образом, одновременно является и актом самоутверждения, и жестом разграничения [Идентичность: Личность...]. Именно на этой символической границе, прочерченной в общественном пространстве, логика сопоставления и разграничения неизбежно выводит идентичность в политическое измерение.

Что отличает политическую идентичность от всех других идентичностей? Немецкий политический философ Карл Шмитт достаточно четко сформулировал базовую отличительную черту: разделение на «мы» и «не-мы» [Шмитт. С. 281–356]. Индивидуальное различие «я/не-я» масштабируется до уровня всего общества. Как только появляется «мы», неизбежно возникает «не-мы» и встает экзистенциальный вопрос о характере отношений с этими «не-мы». Эти отношения могут быть либо враждебными, либо дружественными. В шмиттовской формулировке идентичность в политической парадигме сводится к умению различать «друга» и «врага», подобно различению добра и зла. Можно сделать вывод, что *политическая идентичность — это форма коллективной идентичности, которая кладет в основу различие на «друга» и «врага»*. Другими словами, одна группа, объединенная пониманием «своих», противодействует всем остальным, то есть «чужим». Внутренняя политика в данном ключе также структурируется как деление на внутренних «друзей» и «врагов».

Важно отметить, что такая логика принципиально несовместима с либерально-парламентской моделью политики и другими проявлениями плюрализма. К. Шмитт и не стремился адаптировать свои идеи под плюралистическую модель. Он также отмечал, что враг первичен и «мы» определяем себя через образ врага [Шмитт. С. 5–59].

На наш взгляд, само существование человека как субъекта в окружающем мире относительно и нельзя определить субъекта вне окружающего мира. Иначе говоря, идентичность не выводится из «чистого» самонаблюдения, она всегда реляционна. Если мы рассматриваем деление на «своих» и «чужих» в социально-политической плоскости, то при все большем редуцировании переменных в какой-то момент можно столкнуться с тем, что в отсутствие категории «чужие» сама категория «свои» перестает нести вложенный в нее смысл.

Исходя из этого, можно сделать два вывода. Во-первых, политической идентичности присуща конфликтность, так как постоянное разделение на «своих» и «чужих» подразумевает, что «чужие» подсознательно считаются врагами. Когда народ отказывается признавать наличие «врага», право назначать ему врагов переходит в руки другого народа или, во всяком случае, другого политического субъекта. Во-вторых, в политику

имплицитно вовлечены все. Даже не обладая властью, индивид вынужден соотносить себя с теми, кто принимает решения и находится у власти, и, соответственно, нести свою долю ответственности за эти решения. Здесь и встает вопрос, к какой категории принадлежит «гражданство» — к национальной или политической идентичности?

Еще одна форма принадлежности — «мы, граждане» — обеспечивается общей политико-правовой рамкой, объединяющей людей разных культур, языков и вер, и получает юридическое воплощение в институте гражданства. Своеобразной уникальностью этой идентичности является ее материальная фиксация в виде документов, удостоверяющих личность (паспорт, ID), формально закрепляющая связь человека с политическим сообществом, его нормами, убеждениями и идеалами. Реализуется это посредством участия в выборах, протестах и других гражданских инициативах [Монастырский]. И.С. Семененко дает более точное определение: «Гражданская идентичность маркирует членство в макрополитическом сообществе и предполагает самоидентификацию индивида с его политической культурой и институтами, в том числе с определяющим индивидуальный политико-правовой статус институтом гражданства» [Семененко. Гражданская...]. Другой особенностью является формирующая роль гражданской идентичности в структуре политической идентичности. Мы полагаем, что гражданская идентичность является базовым уровнем политического самоопределения личности. Гражданская идентичность очерчивает рамку, в пределах которой конструируются политические позиции и моральные ориентиры индивида, а политическая культура служит опорой, обеспечивающей устойчивость данной рамки. Гражданская идентичность, хоть и не нуждается в этнической, религиозной и национальной принадлежности, нуждается в общем центре притяжения и общем консенсусе вокруг государственных ценностей, особенно в вопросах истории. Этот консенсус достигается за счет государственной политической культуры [Хабермас].

Национальная идентичность многомерна и в той или иной степени вбирает большую часть вышеупомянутых идентичностей. Национальная идентичность — это и образ «мы-сообщества», и «я-идентичность» индивида, которая выражает его привязанность к этому сообществу. Ее «каркас» — это устойчивая идея общего «мы», представление о том, что мы составляем одно сообщество. Через эту идею люди узнают себя как часть целого [Семененко. Национальная...]. Более того, «идентичность» выступает не только аналитическим конструктом, но и языком политической и повседневной мобилизации, превращаясь в инструмент, с помощью которого общества формулируют требования, выражают лояльность и задают вектор действия. Именно в таком качестве национальная идентичность проявляется в современных политических процессах Италии.

Динамика развития итальянской национальной идентичности

Нация — это процесс постоянной реконструкции («пересборки») и постепенной эволюции, и если процесс прекращается, то всегда начинается обратный процесс — третьего не дано [Smith]. Проблема национальной идентичности в Италии существует с момента ее объединения. До эпохи Рисорджименто развитие итальянских территорий харак-

теризовалось устойчивой политической раздробленностью, вследствие которой Апеннинский полуостров представлял собой театр династических конфликтов Европы, что препятствовало формированию единого политического центра и национальной идентичности. Как отмечают исследователи эпохи Рисорджименто, объединение полуострова происходило «сверху» и «поверх» широких слоев населения, а воплощением замысла национального государства занимались политические и интеллектуальные элиты того времени [Banti]. Большинство населения не обладало ни политическими правами, ни доступом к информации, позволяющими воспринимать Рисорджименто как собственный выбор. В действительности национальное государство было создано раньше, чем сформировалось чувство итальянской нации. Как позднее сформулировал мысль, принадлежавшую борцу за объединение Италии Массимо Д'Адзельо, писатель и политический деятель Фердинандо Мартини, «*Fatta l'Italia, bisogna fare gli Italiani*» — «Италию мы создали, теперь необходимо создать итальянцев» [Hom].

За последние 160 лет своей истории итальянский народ пережил периоды укрепления и ослабления национальной идентичности под влиянием различных факторов: рабочих и крестьянских восстаний 1890-х годов, Первой (Великой) и Второй мировых войн, противостояния фашистских и антифашистских сил, борьбы с терроризмом в 1970-х и против мафии и политической коррупции в 1990-х годах [Romano]. Сегодня, спустя полтора века после объединения, итальянская нация по-прежнему ощущает свою идентичность как неполную и уязвимую. Эта неустойчивость обусловлена множеством причин: от географического своеобразия и латинского наследия до христианско-католической традиции и, в большой степени, традиционного противостояния между Севером и Югом страны.

Итальянский фашизм, основанный на культе патриотизма, породил в обществе обратную реакцию — неприятие всего, что связано с понятиями нации, родины и самой «итальянскости» [della Loggia]. Злоупотребление национальными чувствами не только привело Италию к трагедии Второй мировой войны, но и разрушило доверие к идее национального единства. Раскол, возникший в стране после падения фашизма, так и не был преодолен. С тех пор патриотизм перестал быть источником гражданской и политической энергии, способной укреплять итальянскую демократию. Падение Берлинской стены и крах великих идеологических нарративов XX в. в сочетании с последствиями глобализации создали предпосылки для возрождения различных форм «локализма» и «партикуляризма», поскольку ослабление наднациональных идеологий и универсалистских интегративных идей привело к смещению идентичности к локальным и региональным формам [Прохоренко].

Закономерно возникает вопрос: перестали ли итальянцы чувствовать себя итальянцами? Очевидно, что нет. Напротив, итальянская, или даже «италийская», идентичность остается весьма выраженной и устойчивой. Однако когда речь идет о национальной идентичности, все обстоит иначе. Различие между этими двумя категориями принципиально. Если культурная идентичность опирается на общее историко-культурное наследие, язык, религию, «места памяти» и менталитет, то национальная идентичность

предполагает также *политико-гражданскую солидарность* и осознание принадлежности к единому государству. Именно этот аспект в Италии до сегодняшнего дня проявляется значительно слабее по сравнению с другими составляющими идентичности, а также на порядок слабее по сравнению с большинством стран Евросоюза [Almond, Verba].

Итальянцы испытывают не меньшую национальную гордость, чем жители других европейских стран. Однако источники этой гордости почти не связаны с самим государством. Источниками национальной гордости для итальянцев выступают не эффективность демократических институтов и не качество политиков, а прежде всего культурное наследие страны. Такая форма идентичности, основанная преимущественно на общем культурном наследии, а не на совместно пережитом политическом и военном опыте, способствовала тому, что и после Рисорджименто в Италии сохранялись внутренние разломы, связанные как с унаследованным муниципальным кампанилизмом¹, так и с разделением между Севером и Югом, в свою очередь обусловленным различиями в историко-экономическом и институциональном развитии.

Чувство взаимной отчужденности северян и южан сформировалось вскоре после объединения Италии, усилилось в 1880–1890-е годы и вновь проявилось в XX в. Однако лишь после окончания холодной войны и падения Берлинской стены оно приобрело выраженный политический характер, воплотившийся в рождении «Лиги Севера», которая на протяжении ряда лет продвигала сепаратистскую программу. Последняя основывалась на представлении, что ресурсы, направлявшиеся на развитие Юга, были несправедливо изъяты у Севера и в значительной степени растрочены либо присвоены коррупционными структурами и мафиозными организациями [Manera].

Однако ничто не сплачивает больше, чем общий враг. Сегодня формируется новая «приграничная зона» — не в географическом, а в символическом, ментальном измерении, — сконструированная в сознании итальянцев по отношению к мигрантам. Внутренний раскол постепенно стирается под влиянием нелегальной миграции. Иными словами, место прежнего внутреннего «чужого» (южанина для северянина и северянина для южанина), виновного во всех, в первую очередь экономических, национальных бедах, занял образ нового «чужого» — нелегального мигранта, преимущественно выходца из африканских стран и представителя исламского мира, а также из государств Азии и Южной Америки. Происходит коллективный психологический процесс — перенос внутреннего страха вовне, на фигуру иностранца, который воспринимается как потенциальная угроза или враг. Если ранее «чужой» определялся преимущественно через национально-культурную принадлежность (как «неевропеец» и возможный нарушитель общественного порядка), то сегодня вектор враждебности дополняется

1 Кампанилизм (*campanilismo*) — форма локальной идентификации, основанная на привязанности к родному городу или общине (буквально к «колокольне» от итал. *campanile* — колокольня), характерная для итальянского исторического контекста и проявляющаяся в приоритизации местной принадлежности над общенациональной или любой соседней («наша колокольня выше вашей»).

и религиозным компонентом. И национальная, и религиозная идентичность относятся к типу социальных конструктов, которые трудно поддаются трансформированию. Особую тревогу со стороны коренных жителей Италии вызывает ислам, воспринимаемый в массовом сознании как социально распространенная и потенциально агрессивная религия. Этот образ резко контрастирует с христианской традицией, по-прежнему глубоко укорененной в итальянской культуре.

В этом контексте встает вопрос — не стали ли мигранты с точки зрения идентичности еще более «чужими», чем когда-то южане были для северян и северяне для южан? Если ранее граница «свой/чужой» проходила внутри самой нации, отражая исторические, экономические и культурные различия между регионами, то теперь она сместилась вовне, на тех, кто не принадлежит к итальянскому сообществу ни по происхождению, ни по культурному коду. Мигранты заняли место прежнего внутреннего «чужого». Именно вокруг их образа начинает выстраиваться современное осмысление «итальянскости»: кто может считаться итальянцем, где проходит граница между «своим» и «иным», какие ценности лежат в основе коллективного итальянского «мы». Таким образом, фигура мигранта становится центральным элементом в процессе переопределения национальной идентичности, выполняя ту же функцию, которую когда-то играло противопоставление Севера и Юга, но на новом, глобализированном уровне.

Динамика этого процесса находит свое выражение не только в общественных настроениях, но и в политическом пространстве. Характерным примером служит «Лига» (нынешнее официальное название — *Lega per Salvini*, или «Лига за Сальвини»). Эта партия возникла в конце 1980-х годов как объединение североитальянских регионалистских движений, выступавших за политическую и экономическую автономию Севера. Изначально нося название «Лига Севера» (*Lega Nord*), эта политическая сила позиционировала себя как защитника интересов промышленных регионов, противопоставляя «индустриальный Север» «отсталому и аграрному Югу». Известный лозунг «*Roma ladrona*» («Рим — воровка») отражал свойственную ей риторику независимости. Рим рассматривался как символ неэффективной бюрократии, перераспределяющей ресурсы Севера в пользу дотационных южных регионов. В течение почти 30 лет ядром идеологии партии был «нативизм» по отношению к коренным жителям Севера. Политический проект «Лиги» изначально строился на прогнозе неспособности Италии интегрироваться в маастрихтскую систему ЕС вследствие хронического бюджетного дефицита. Однако после вступления страны в зону единой европейской валюты партия утратила значительную часть своей политической привлекательности, а последующее ее ослабление было связано с рядом коррупционных скандалов [Hooper].

Однако политическая интуиция Маттео Сальвини позволила ему скорректировать идеологический вектор «Лиги», что позволило партии выйти за рамки традиционного северного электората и вызвать широкий общественный консенсус [Albertazzi, Giovannini, Seddone]. Если раньше *Lega* демонизировала выходцев из Южной Италии,

то теперь врагом стали мигранты из стран Глобального Юга. Особенно наглядно эта трансформация проявилась в изменении партийного дискурса. Региональный лозунг *Prima il Nord!* («Сначала — Север!») сменился на общенациональный: *Prima gli Italiani!* («Итальянцы — прежде всего!»). Европейские институты постепенно превращаются в символ правящего политического класса, по аналогии с Римом [Romeo]. Брюссель становится новым «Римом — воровкой», на который перенаправляется накопившееся социальное недовольство. Казалось бы, некогда сепаратистская риторика уступает место общенациональной или националистической, апеллирующей к единству итальянцев перед лицом внешней угрозы.

Однако при более внимательном рассмотрении становится очевидно, что М. Сальвини продолжает действовать на этнокультурном уровне, хотя и с существенными отличиями от линии Умберто Босси, своего предшественника во главе «Лиги». Показательно, что Сальвини дистанцировался от самой концепции Падании и северного регионализма, стремясь превратить «Лигу» из партии территориальной идентичности в силу национального масштаба. Для достижения этой цели и создания единого итальянского «мы» он пересматривает ключевые категории «нация» и «идентичность», перемещая их на совершенно иной уровень. Меняется политическая риторика, но ее функциональная роль остается прежней. Сецессия Севера практически исчезла из политической программы «Лиги», уступив место федерализму с отчетливо выраженными националистическими акцентами. Эффективность подобной стратегии нашла подтверждение в том, что Сальвини сумел завоевать поддержку на европейских выборах в тех регионах, где партия прежде не имела ни электорального влияния, ни политических ожиданий. Стоит отметить, что выборы в Европарламент выполняют роль своеобразного барометра внутренней политики стран ЕС, позволяя порой наиболее точно измерять и отражать актуальные тенденции внутри них.

Победа «Лиги» на европейских выборах 2019 г. оказалась убедительной прежде всего на Севере, где за нее проголосовали свыше 40% избирателей. Однако главным событием той кампании стало то, что «Лига» окончательно закрепилась на общенациональном уровне, получив по стране 34,3% голосов — вдвое больше, чем на парламентских выборах 2018 г. (17,3%) и почти в шесть раз больше по сравнению с европейскими выборами 2014 г. (6,2%). Не меньшим сюрпризом стало ее лидерство в Центральной Италии, где «*Carroccio*»¹ получила 33,4% голосов. Особенно показателен результат в Лацио, где партия М. Сальвини заняла первое место с 32,7%. Ключевым фактором стал экспоненциальный рост на юге. Партия заняла первое место в Аbruццо с 35,3% (в 2018 г. она набрала 13,9%), второе место в Базиликате с 23,3% (против 6,3%), второе место в Апулии (25,3%), Молизе (24,3%) и Калабрии (22,6%). Самые слабые результаты в Кампании и Неаполе — 19,2% и 12,4% соответственно.

1 В журналистском языке этим термином обозначается политическое движение *Lega Nord*. *Carroccio* — исторический символ коммунальной автономии Северной Италии, восходящий к легенде об Альберто да Джуссано и связанный с битвой при Леньяно. Большая четырехколесная повозка с городскими знаками, вокруг которой собирались и сражались солдаты коммун.

В целом эти результаты свидетельствовали о глубокой трансформации электоральной географии Италии. «Лига» из регионального северного движения превратилась в партию общеитальянского масштаба. Однако тот электоральный успех оказался краткосрочным. В последующие годы «Лига» утратила более чем половину своего электората, значительная часть которого перешла к постфашистской партии «Братья Италии» (Fratelli d'Italia), что стало отражением более широкой перестройки правого политического пространства Италии [Elezioni 2022...].

Таким образом, можно утверждать, что нелегальная миграция стала одним из ключевых катализаторов изменений в итальянской идентичности, консолидируя общество не вокруг региональных различий, а вокруг символического противопоставления «внешнему другому». Именно смена объекта негативной идентификации легла в основу внутреннего единства. Вследствие чего традиционное противостояние между Севером и Югом постепенно потеряло прежнюю напряженность. Конечно, кризис итальянской идентичности не исчез, но сменил форму, перейдя от внутреннего социально-регионального к «внешнему» этнокультурному.

* * *

Напрашивается вопрос: если в итальянском обществе действительно происходят столь масштабные трансформации, почему Маттео Сальвини не одержал победу на последующих парламентских выборах и уступил пост премьер-министра Джорджии Мелони?

В общей политической оптике итальянского электората Мелони оказалась более убедительной фигурой, ей удалось точнее уловить и артикулировать правый идеологический запрос общества. Она проявила большую прагматичность в отношениях с европейскими институтами и бюрократами и не несла за собой столь заметного шлейфа противоречивых политических жестов, как Сальвини. Последний, в частности, продемонстрировал резкие колебания политической линии: от поддержки правительства М. Драги в 2021-2022 гг. до критики Израиля, а затем получения премии «Italia-Israele 2025» и неофициального звания «лучший друг Израиля в Италии» [Crippa]. В целом же сюжет конкуренции между партиями М. Сальвини и Дж. Мелони требует отдельного самостоятельного анализа.

В контексте же данной статьи востребована более широкая аналитическая перспектива, позволяющая сфокусировать внимание на более масштабном процессе. В этом плане принципиальное значение имеет не то, победил ли М. Сальвини на последующих выборах, а сам факт структурного сдвига, который произошел в массовом сознании итальянцев. Итальянское общество накопило критическую массу социальных изменений и продемонстрировало готовность к трансформации собственной идентичности, что закономерно отразилось на политических результатах. Успехи отдельных лидеров могут меняться, но глубинный трансформационный тренд уже запущен, и он свидетельствует о созревании общественного запроса на новые формы и виды идентичности.

Литература

- Алексеева Т.А. «Большие» политические идеи: между парадоксами и банальностями // Военный академический журнал. 2025. № 3 (47).
- Алексеева Т.А. Агент-структурные отношения: методология конструктивизма // Полис. Политические исследования. 2022. № 4. С. 77-93.
- Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир // Сравнительная политика. 2014. Т. 5. № 1. С. 4-21.
- Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М. 2001.
- Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами «идентичности» // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 61-117.
- Идентичность: Личность, общество, политика: Энциклопедическое издание. М. 2017.
- Монастырский Д.В. Гражданская идентичность: теоретические подходы к исследованию и формирующие ее факторы // Гуманитарий Юга России. 2017. №1. С. 181-188. — URL: cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskaya-identichnost-teoreticheskie-podhody-k-issledovaniyu-i-formiruyuschie-ee-factory (дата обращения: 08.10.2025).
- Прохоренко И.Л. Европейская интеграция и проблема сепаратизма в государствах — членах Европейского союза. М. 2018.
- Семененко И.С. Гражданская идентичность // Идентичность: личность, общество, политика. М. 2017.
- Семененко И.С. Национальная идентичность // Идентичность: личность, общество, политика. М. 2017.
- Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М. 2004.
- Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М. 1995. С. 208-245.
- Шмитт К. Понятие политического. СПб. 2016.
- Albertazzi D., Giovannini A., Seddone A. 'No regionalism please, we are *Leghisti!*' The transformation of the Italian Lega Nord under the leadership of Matteo Salvini // *Regional & Federal Studies*. 2018. № V. 28. №5. P. 645-671. — URL: doi.org/10.1080/13597566.2018.1512977 (date of access: 23.12.2025).
- Almond G.A., Verba S. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton. 1963.
- Banti A.M. *Il Risorgimento italiano*. Bari. 2011.
- Crippa F. Gaza, Salvini riceve il premio Italia-Israele. Le opposizioni: «Vergogna» // *Corriere della sera*. 22.07.2025. — URL: corriere.it/politica/25_luglio_22/gaza-salvini-riceve-il-premio-italia-israele-l-intergruppo-per-la-pace-in-palestina-vergogna-c82e4b81-b5f1-462b-a393-ee310d235xlk.shtml (date of access: 23.12.2025).
- della Loggia E.G. *La morte della patria: La crisi dell'idea di nazione tra Resistenza, antifascismo e Repubblica*. Milan. 2015.
- Elezioni 2022 I flussi di voto rispetto alle politiche del 2018 e alle europee del 2019. Istituto Cattaneo. 27 settembre 2022. — URL: cattaneo.org/wp-content/uploads/2022/09/2022-09-27_flussi.pdf (date of access: 23.12.2025).
- Gallie W.B. *Essentially contested concepts* // *Proceedings of the Aristotelian society*. Oxford. 1956. Vol. 56. P. 167-198.

- Hobsbawm E.D, Rager T.* The invention of tradition. Cambridge.1983.
- Hom S.M.* 2013. "On the Origins of Making Italy: Massimo D'Azeglio and 'Fatta l'Italia, Bisogna Fare Gli Italiani // Italian Culture. 2013. V. 31. № 1. DOI:10.1179/0161462212Z.00000000012.
- Hooper J.* Umberto Bossi resigns as leader of Northern League amid funding scandal // The Guardian. 05.04.2012. — URL: theguardian.com/world/2012/apr/05/umberto-bossi-resigns-northern-league (date of access: 23.12.2025).
- Kratochwil F.* Constructivism: what it is (not) and how it matters // Approaches and Methodologies in the Social Sciences. 2008. Cambridge. P. 80-88.
- Manera E.* Mitologie padane. Dall'ampolla del Po a Capitan Padania // Novecento.org. 2017. №. 8. — URL: novecento.org/dossier/italia-didattica/mitologie-padane-dallampolla-del-po-a-capitan-padania/ (date of access: 23.12.2025).
- Romano S.* Storia d'Italia dal Risorgimento ai nostri giorni. Milan. 2001.
- Romeo C.* Prima gli italiani? La comunicazione politica della Lega di Salvini: tesi di laurea triennale. — Bologna. 2019.
- Smith A.D.* The Ethnic Origins of Nations. Oxford.1988.